

всадников, генерал-адмираломъ Великимъ княземъ Александромъ Александровичемъ и Великимъ княземъ Александромъ Михайловичемъ и святой. Далѣ на горизонтѣ видѣлись сопровождавшіа «Георгій Побѣдоносца» суда черноморскаго флота.

Въ 7 час. 40 мин. утра траурный поѣздъ пришелъ въ Ватуму. По обѣимъ сторонамъ желѣзнодорожнаго пути, простирающаго чрезъ городъ, стояло сплошной массой населеніе города и урядіе мѣстныхъ учебныхъ заведеній. Дамы въ глубокомъ траурѣ. Многие не могутъ воздержаться отъ слезъ. На домахъ и магазинахъ, запертыхъ въ знакъ траура, развѣваются траурные флаги. Иностранцы консульства присутствовали до половины флагштока свои флаги въ знакъ траура. Всѣ суда, стоящія въ гавани, русскія и иностранныя, приспустили флаги до половины мачтъ и скрестили реи въ знакъ траура.

Ровно въ 8 час. утра траурный поѣздъ тихо подошелъ къ пристани русскаго общества пароходства и торговли, погруженной въ трауръ, и остановился у желѣзнодорожнаго галереи, задрапированной буксусами, вътѣми рододедрона, гирилами, траурными матеріями и флагами. Зажженные фонари были обвиты траурнымъ флеромъ.

За 5 мин. до останкова траурнаго поѣзда, броненосецъ «Георгій Побѣдоносца», съ Высочайшими Особами, бросилъ якорь въ бухтѣскомъ портѣ. Конвоирующія же суда черноморской эскадры: «Три Святителя», «Двѣнадцать Апостоловъ», «Синопы», минососа «Дунай», «Бугъ», «Судакъ» и др. со скрещенными реями и приспущенными кормовыми флагами, вытѣнулись въ линию на рейдѣ.

Въ портѣ же стояли въ глубокомъ траурѣ яхта Наслѣдника Цесаревича и Великаго князя Георгія Александровича «Зарница», окрашенная въ чернѣйшій цвѣтъ, русскія военныя суда «Урадецъ» и «Прутъ», германское стационарное военное судно «Лорелея» и, въ числѣ многихъ коммерческихъ судовъ, русскіхъ и иностранныхъ,—пароходъ русскаго общества пароходства и торговли «Цесаревичъ Георгій».

У пристани русскаго общества пароходства и торговли стояла баржа, обращенная въ траурный катафалкъ, усталая и задрапированная чернымъ сукномъ. Посрединѣ баржи устроено возвышеніе, площадь котораго, равно какъ и сама катафалкъ, и перила задрапированы сукномъ темно-малиноваго цвѣта. Возвышеніе

ФЕЛЬЕТОНЪ.

АРАБЕСКИ.

Выдался свободный вечерокъ, и я засѣлъ за письма, врученныя мнѣ Фривольскимъ—Подкузмялевымъ. Вскрѣвъ пришелъ и онъ самъ и сталъ давать интересныя поясненія. Но сначала я спросилъ его, какъ это онъ рѣшается не только показывать, но даже вручать мнѣ столь щекотливый матеріалъ? Видно многія письма подписаны,—и, будь я негодиемъ, я могъ бы воспользоваться...

розовую бумажку съ изображеніемъ двухъ голубковъ, воркующихъ на сиреневомъ кустѣ. Письмо было, приблизительно, такого содержанія или, въ всякомъ случаѣ, такого стила: Божественный Фривольскій! Я, право, не знаю, какъ и съ чего начать!

Пустое имъ сердечное ты и не обманывай забываю! Приходите, если можно, завтра въ 2 часа на М-скую улицу; увидите тамъ большій двухэтажный домъ: я тамъ учусь. Спросите тамъ у швейцара (онъ очень славный и терпѣть не можетъ наму начальнику) Ольгу К. У. З. Это не я, а моя подруга. Она мнѣ сейчасъ перечесть, и мы можемъ увидѣться. Я сдѣлаю вамъ, при выходѣ изъ подъѣзда, такой знакъ, что вы догадаетесь. По только вы идите по другой сторонѣ улицы, а потомъ только въ переулокъ можете подойти. И потомъ вы, когда захотите, можете постоянно проывать меня домой, и мы познакомясь и обьяснимся, откроемъ сердца какъ слѣдуетъ. Приходите же непременно и принесите свой портретъ въ испанскомъ костюмѣ съ надписью! Я вамъ скажу свою фамилію! Ахъ, я, кажется, умру отъ радости, когда увижу этотъ портретъ...

Ты въ жизни полюбишь, разлюбишь, а я—никого, никогда! П-ви когда!!! Ваша навѣки. Незнакомка. — Бѣдная дѣточка!—замѣтила я невольно—какой сумбуръ въ этой головѣ! И Тарпейская скала, и мерины въ синихъ мундирахъ, пушанища въ цитатахъ! Ну, что-жъ вы, пошла? — Нѣтъ, воздержался! Еще въ глупую исторію влегушь съ какии-ни-будь тамъ начальствомъ или съ родителями... — Фу, безсердечіе какое! Только поэтому и воздержался? — Да и некогда было! А слегка подмываю... — Но вѣдь ребенокъ... — Э, теперь ребить на свѣтѣ нѣтъ! — Да, теперь оперетка!.. Ну, посмотримъ дальше; только дѣтскихъ писемъ не показывайте!.. Глядѣть не хочется... — Ну, хорошо! Вотъ вамъ два письма отъ солидной матроны, сдержанныя и анонимныя, съ многоточіями... — Такъ почему вы знаете, что отъ матроны? Ходили къ ней, что-ли? — Нѣтъ! Узналъ по почерку: она въ прошломъ году писала письма въ такомъ-же родѣ одному моему собрату, который познакомился съ нею, остался не очень доволенъ, потомъ уѣхалъ, а письма оставилъ мнѣ на всякій случай... — Развѣ это дѣлается у васъ? — А какъ-же? Когда прѣзжайешь въ городъ, то всегда полезно ориентироваться... А вотъ письма ко мнѣ, съ незабуд-

ками на зеленоватой бумагѣ. Это первое: Милый, хорошій, я такъ хочу увидѣть васъ поближе, не на сценѣ! Исполните мою просьбу, придите въ понедѣльникъ, въ 11—12 ч., въ Муштайдъ на аллею, которая ведетъ въ Дудубо. Пожалуйста! Вы этимъ мнѣ доставите несказанное удовольствіе. Предупреждаю: романа или нитриги не ждите. Если вамъ почему-нибудь неудобно въ это время, т. е. утромъ, то напишите когда: до востребованія NN. Хорошо? Съ невѣрливѣмъ буду ждать отвѣта и на письмо и... NN. — А это второе, послѣ того, какъ я оставилъ ходатайство безъ послѣдствій: Милый, негорюшій, отчего вы не пришли, какъ я васъ просила? Неужели это такъ трудно! Пожалуйста, придите, и я обьясню вамъ, почему я такъ сильно хочу съ вами поговорить, хотя бы 5 минутъ только! Чтобы напрасно не мучить меня—будете добры, напишите день, когда я могу увидѣть васъ: Боже, неужели всѣ артисты такіе... неблагодарны? Адресъ мой тотъ-же: до востребованія NN. Узнаете меня по вашему письму у меня въ рукахъ. Только отвѣтите скорѣй, хоть что-нибудь отвѣтите! NN. — Да, вполне понимаю, что вы не захотѣли знакомиться! Бѣдность выраженія, отсутствіе темперамента, а претензіи большія! Довольно забавно, впрочемъ, выходитъ это сперва «милый, хорошій», а потомъ «милый, негорюшій»... — Хотите темперамента, страсти? Извольте! Вотъ это страсть, напускная, или мѣщанскіе-неуклюжая, съ ореографическими ошибками: Милостивый Государь Г-нъ Фривольскій! Я долго и много боролась съ собою, но наконецъ рѣшилась вамъ написать, не видя своей женской гордости. Я не могу, я не въ силахъ молчать и скажу прямо и просто Любови. Дальше думайте что хотите, свѣтъ, острѣжь, для меня безразлично. Вы какъ артистъ своей игрой, своимъ искусствомъ вскружили отуманенныя меня. Я всѣхъ и все забыла. Году васъ видѣть и говорить съ вами. Гдѣ и когда? Напишите сами... Любящая васъ NN. Р. С. Вольнѣ надѣюсь получить отъ васъ отвѣтъ. Завѣтъ съдѣдуетъ полная подпись и обстоятельный адресъ. Вы, вѣроятно, догадываетесь, что я не пошедь?

а въ концѣ обыкновенно «жада мою честную руку!» О, я готова была отслужить молебень, когда она уѣхала! Подумай, вѣдь цѣлые дни приходилось торчать у нея, толковать о символизмѣ и далеко не символически ухаживать!... — А какъ-же ревнивая супруга? — Она у меня въ родѣ Наполеона перваго: ревнуетъ лишь тогда, когда забываетъ съ моей стороны увлеченіе. А такъ, случайности и двоявыя отношенія не въ счетъ... У рецензентки же большія связи со всякимъ литературнымъ бабьемъ въ столицахъ... Можетъ сильно нагадить... — Однако, какая громадная куча писемъ! Если хотѣ-бы третью признать за «дѣловыя отношенія», то житья не будетъ! — Ну, положимъ, часть этихъ писемъ, несомнѣнно, написана товарищи: нарочно дурнчаютъ, чтобы потомъ подвѣсти на свѣтѣ и испортить мнѣ настроеніе, снять съ меня «сударь» передъ самымъ спектаклемъ! Тоже, вѣдь, народъ дошлый!... — А это что такое?—спросилъ я и вдругъ, обративъ вниманіе на кусочекъ золотобръзаннаго картона, до неприличія раздуханаго и попрыгата безобразными каракулями, изъ которыхъ я успѣлъ прочесть только нижеслѣдующее: Дуни Априловскій! Фчера ночью сидѣлъ послѣ антракта сматрѣлъ, душа брунетку видѣлъ? Бриллианты Видѣлъ? Приходи вечеромъ Марожинъ шампанскимъ кушнѣ. Бриллианты можешь на галстучи будавка... Тутъ я невольно взглянулъ на дорогую брильянтовую булавку, сверкавшую на паетрострѣ моего гостя. Онъ смутился, заскупилъ письмо въ кучу другихъ бумажонокъ и, быстро взглянувъ на часы, послѣднѣмъ отрецензировавъ подъ благовиднымъ предлогомъ. Я его не удерживалъ. Дого потому я не могъ заснуть. Все мнѣ мерещилось бѣдненькое и немножко психопатическое личико какой-то патнациативной учащейся дѣвочки, чистое воображеніе которой свихнулось на такой мизурѣ! Бѣдное ситило! Если бы она знала, въ какой компаніи очутилось ея письмо, съ какими пошлѣмихъ развратомъ и съ какими «дѣловыми отношеніями» конкурируетъ, въ какой пошлой мнѣ сваденій ея наивныя мечты!...

